

Анти-Аузан: критика одной социальной философии

Часть 1

В.М. ЕФИМОВ, доктор экономических наук.

E-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

независимый исследователь, Франция

Аннотация. В статье дается ответ на вопрос, почему в новой институциональной экономической теории (НИЭТ) игнорируется институт денег, несмотря на то, что этот институт является центральным в капиталистической экономике. Дело в том, что НИЭТ, продолжая традиции сначала классической политической экономии, а затем и неоклассического экономикс, нацелена на легитимацию монетарного социального порядка, в котором эмиссия значительной части денежной массы осуществляется частными банками при выдаче кредитов. Монетарный социальный порядок впервые возник в Англии в результате «Славной революции» 1688 г., следствием которой было подчинение государства буржуазии. Деньги при этом становятся основным источником власти, на сокрытие чего и нацелена преподаваемая в университетах экономическая теория. Впервые деньги как социальный институт последовательно стали рассматриваться в институциональной экономике Джона Коммонса, и НИЭТ, выхолостив ее основные понятия, продолжает, как университетская учебная дисциплина, дело идеологического прикрытия монетарного социального порядка.

Ключевые слова: колея профессии советского политэконома; А. А. Аузан; новая институциональная экономическая теория; исходный институционализм; Дж. Коммонс; монетарный социальный порядок; противостояние двух теорий денег; Д. Норт; идеологическое сопровождение монетарного социального порядка

Один мудрый историк сказал:
«Ведущие экономисты беспокоятся,
что институциональная экономика
претендует на главное направление
в мировой экономической теории.
Они заблуждаются. Институциональная
экономика мечтает не о господствующем
положении в экономической теории,
а о превращении в новую социальную
философию»

[Аузан, 2017. С. 9]

Колея (path dependence) профессии советского политэконома

В 1917 году большевики пришли к власти в России, после чего начали производить радикальные институциональные изменения, находя вдохновение в марксизме, в частности в «Капитале» Карла Маркса. Через 20 с небольшим лет они создали в стране новый социальный порядок, и для его легитимации требовалось идеологическое обоснование. Интерпретация советского социального порядка была осуществлена на базе марксистских понятий, так как лидеры партии посчитали, что деятельность по приходу к власти, а затем по политическому и экономическому строительству должна была быть обоснована на единой понятийной базе [Ефимов, 2020]. Одной из важнейших задач экономического факультета МГУ (создан в 1941 г.) было развитие преподавания этого обоснования.

Будучи сначала студентом и аспирантом, а затем и доцентом на кафедре «Математические методы анализа экономики» экономического факультета МГУ, я хорошо помню, насколько тяжело было сотрудникам кафедры политэкономии втискивать советские реальности в прокрустово ложе марксистской политической экономии. Автор книги «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь», нынешний декан экономфака МГУ А. А. Аузан, начал свой профессиональный путь на этой кафедре, занимая последовательно на протяжении 20 лет должности от ассистента (1983) до профессора кафедры (2002).

В 1991 году в России было осуществлено другое радикальное институциональное изменение, активные участники которого, не без внешнего иностранного влияния, черпали свое вдохновение в идеологии неолиберализма. К этому времени неолиберализм, требующий максимальной приватизации и минимального участия государства в экономике, получил наиболее полное идеологическое обоснование в так называемой Новой институциональной экономической теории (New Institutional Economics).

Как вспоминает А. А. Аузан: «Первооткрывателем этого направления в России был замечательный российский экономист Ростислав Капелюшников, который в 1990 году опубликовал брошюру “Экономическая теория прав собственности”. Это было первое подробное реферированное изложение идей неoinституционального подхода, за которые тогда как раз начали

давать Нобелевские премии. Причем оно так потрясло умы, что некоторые члены гайдаровского правительства стали устраивать своим сотрудникам экзамен по этой брошюре» [Аузан, 2010]. Экономический факультет МГУ вслед за вновь созданной Высшей школой экономики активно включился в преподавание курса «Институциональная экономика», который и излагает идеи неoinституционализма. Сейчас этот курс – неотъемлемая часть экономического университетского образования в России¹, а число различных отечественных учебников под названием «Институциональная экономика» перевалило за два десятка.

Большая часть из них взяла в качестве образца книгу исландского экономиста Трауинна Эггертссона [Эггертссон, 2001], чтение рукописи которой, по собственному признанию Дугласа Норта, повлияло на содержание его знаменитого труда «Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность» [North, 1990]².

Книга А. А. Аузана «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь» (ее первое издание вышло под названием «Институциональная экономика для чайников») хотя по структуре и идеям похожа на все остальные, однако сильно отличается от них по форме. Аналогично тому, как раньше поступали экономисты, работающие в области политэкономии социализма, А. А. Аузан пытается, в частности, интерпретировать уже постсоветский социальный порядок, но теперь, конечно, уже не опираясь на марксизм, а в терминах теоретических конструкций, отражающих в наукообразном виде идеологию, послужившую возникновению этого порядка, а именно идеологию неоллиберализма.

¹ А. А. Аузан вспоминает также историю возникновения в России курса «Институциональная экономика»: «Параллельно с нами преподавание институциональной экономики развивалось в Высшей школе экономики. Этим занимался мой друг и одногруппник Ярослав Кузьминов, ректор ВШЭ и заведующий тамошней кафедрой институциональной экономики <...> Вышку создавали люди, пришедшие с экономического факультета МГУ <...>, люди того же замеса, наши давние друзья, которых мы хорошо понимаем» [Аузан, 2010]. Ярослав Кузьминов с 1979 г. по 1989 г. преподавал на кафедре истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ; в течение двух лет он руководил фондом «Культурная инициатива» Джорджа Сороса.

² Название русского перевода «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» [Норт, 1997] не совсем соответствует английскому оригиналу и несколько искажает сам замысел книги.

В начале 1990-х годов, в составе делегации экономфака МГУ, А. А. Аузан посетил Университет Висконсин-Мэдисон, который называют «домом Коммонса». «Там еще в 30–40-е годы образовалось мощное гнездо институциональной теории. И я помню, – вспоминает он, – какое впечатление произвел на меня Дэн Бромли, один из последователей этой школы, известный американский институционалист, который убеждал меня в том, что мы все это знали и понимали раньше, просто пользовались другой терминологией» [Аузан, 2010]. А. А. Аузан уточняет: «Институционализм дал точные термины, позволившие людям научно оформить то, что они знали и раньше».

Профессор Дэниэл Бромли действительно пытается опираться на некоторые идеи Джона Коммонса [Bromley, 2006], однако, исходя из его исследовательских практик и публикаций, его никак нельзя считать полноценным последователем Коммонса, школа которого работала по-другому [Резерфорд, 2012а; 2012b].

Как сам Джон Коммонс, так и его студенты совсем не основывались в своих эмпирических исследованиях и теоретических построениях на том, что, как пишет А. А. Аузан, «нет идеального человеческого поведения, нет людей, которые понимают все, и нет людей, которые не пытались бы хоть раз хоть в чем-то нарушить правила». И уж совсем точно, что центральное положение институциональной экономической теории Дж. Коммонса известно мало кому из экономистов. Речь идет о его понимании роли денег в функционировании капиталистической экономики.

Заметим, что, следуя неоклассике, ни Норт, ни другие создатели Новой институциональной экономической теории не включили деньги в свои теоретические построения. Возникает вопрос: почему? Ведь по Дж. Коммонсу, деньги – это социальный институт, причем играющий центральную роль в западном социальном порядке. Очевидно, и факт того, что деньги – это институт, то есть совокупность правил, которые в принципе можно изменить, и то, как на самом деле функционирует этот институт, – большая тайна, которую сильные мира сего, а также те, кто находится у них в услужении, стараются скрыть. И вот уже в течение 300 лет это у них неплохо получается.

Вот как Дж. Коммонс раскрывает эту тайну. Опираясь, в частности, на идеи Генри Маклеода [Маклеод, 1865], которого

он назвал инициатором (*originator*) институциональной экономики [Commons, 1990. P. 399], Дж. Коммонс определил деньги следующим образом: «Деньги в их современном значении – это социальный институт фиксации долгов, их обращаемости и освобождения от них, долгов, возникающих в рамках трансакций <...> Свойство денег быть средством обмена является вторичным, первичным же является их свойство служить средством создания, передачи и погашения долгов. Но если деньги есть социальный институт, то каждая трансакция по предоставлению займа создает новые деньги <...>, а если так, то при определении денег нужно отказаться от статичной идеи количества и перейти к динамичной идее процесса. Процесс этот представляет собой миллионы трансакций, участниками которых являются банкиры» [Ibid. P. 513]. Этот процесс может быть также проинтерпретирован как процесс записей и перезаписей долгов всего платежного сообщества, использующего одну и ту же валюту, членам этого сообщества в некой большой «бухгалтерской книге». Такому пониманию денег Дж. Коммонс придавал особое значение в своих теоретических построениях. Он так и написал в автобиографии: «После многих лет работы над моей институциональной экономикой я сделал Обязательство и Долг, а не Свободу и Любовь, основами институциональной экономики» [Commons, 1964. P. 52].

Именно утверждение Коммонса о том, что «каждая трансакция по предоставлению займа создает новые деньги», является тщательно скрываемой тайной, к сохранению которой и подключилась Новая институциональная экономическая теория. Экономисты способствуют этому, либо игнорируя деньги в своих теоретических построениях, либо пропагандируя товарную теорию денег, идущую от Аристотеля. Так Т. Эггертссон недвусмысленно заявляет, что «экономистам подобает трактовать деньги как еще один ценный товар и исследовать поток услуг, поставляемых запасом денег» [Эггертссон, 2001. С. 253].

Однако в последнее время возникает все больше и больше публикаций, где эта тайна раскрывается. Вот как процесс создания денег частными банками объясняется в периодическом издании Банка Англии: «Когда банк выдает кредит, например, кому-то, взявшему ипотеку, чтобы купить дом, он обычно не делает это, давая ему тысячи фунтов в банкнотах, он кредитует

его банковский счет с банковским депозитом размером ипотеки. *В этот момент создаются новые деньги*»³ [McLeay et al., 2014. P. 16]. Авторы этой публикации констатируют: «То, что считается деньгами в современной экономике, такой как британская, 97% денег, находящихся у населения, существует в форме депозитов в банках, а не в виде купюр или монет» [Ibid. P. 5]. В таком объяснении работы банковской системы к ним присоединяется лорд Мервин Кинг⁴ в своей книге «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики» [King, 2016].

Достаточно много авторов выступают за отмену системы, при которой частные банки осуществляют эмиссию денег. Среди них и немецкий социолог Йозеф Хубер, опубликовавший книгу «Суверенные деньги. За пределами банковского резервирования» [Huber, 2017]⁵. Автор является заслуженным (*emeritus*) профессором Галле-Виттенбергского университета имени Мартина Лютера (Германия) и имеет тесную связь с двумя реформаторскими британскими организациями: Фондом новой экономики (*New Economics Foundation*) и некоммерческой организацией «Позитивные деньги» (*Positive Money*).

Недавно с разоблачением обозначенной тайны выступил известный российский экономист В.Ю. Катасонов в своей книге «Алхимия денег. Как банки делают деньги из воздуха» [Катасонов, 2020]. Позволю себе большую цитату из ее введения: «На самом деле, деньги банкирами-ростовщиками делаются на обмане, причем обман не является чрезмерно хитроумным. Масштабы обогащения за счет делания банками денег из воздуха значительно больше тех немалых прибылей, которые спекулянты типа Сороса получают от азартных игр на финансовых рынках. Более того, спекулянты вторичны по отношению к банкирам. Ибо они играют с помощью тех денег, которые банкиры-ростовщики создают из воздуха. Уверен, что Сорос знает об этой банковской алхимии по созданию денег из воздуха. Он ведь всю жизнь пользовался, как спекулянт, такими деньгами. Но раскрывать секреты денежной алхимии он не будет. На эту тему наложено строгое табу “хозяевами денег”. А “хозяева денег” – как раз те, кто делают

³ Выделено в оригинале (В.Е.).

⁴ Отметим, что М. Кинг с 2003 по 2013 гг. был управляющим Банком Англии.

⁵ В моей статье «Конец алхимии финансов и суверенные деньги» [Ефимов, 2017] я кратко делаю разбор книг М. Кинга [King, 2016] и Й. Хубера [Huber, 2017].

деньги <...> Основная часть денег из воздуха создается частными банками. Это прикрываемое теми же самыми “хозяевами денег” фальшивомонетничество в особо крупных масштабах. Это тeneвая, серая, даже черная часть денежного мира. Я бы назвал эту деятельность ростовщиков “алхимией денег”. СМИ, экономическая “наука”, система экономического “образования” делают все возможное для того, чтобы люди не замечали этого фальшивомонетничества» [Катасонов, 2020. С. 5–6].

По своей резкости эти высказывания В.Ю. Катасонова близки словам Генри Форда, который в свое время заметил: «Хорошо, что народ не понимает, как работает наша банковская и денежная система. Иначе завтра же случилась бы революция»⁶. А Франклин Рузвельт выразился еще более определенно: «Теперь мы знаем, что положение, когда страной управляют организованные деньги, так же опасно, как и тогда, когда страной управляла бы организованная преступность»⁷.

Анализ истории магистрального направления экономической дисциплины, куда присоединилась и так называемая Новая институциональная экономическая теория, показывает, что в ее становлении решающую роль играли деловые круги, заинтересованные не в исследовании экономической реальности, а в отражении и изложении идеологии, выгодной этим кругам.

На протяжении всего XX века преподаваемые в университетах экономические теории выполняли идеологическую функцию обоснования и поддержания существующего социального порядка: на Западе – рыночного, а в СССР – советского. После падения советского социального порядка проекты западной помощи России были ориентированы как на смену этого порядка на рыночный, так и на соответствующее преобразование экономического образования по западному образцу. Образец этот предполагает обучение не реальностям рыночной экономики, а рыночному видению социальной реальности, при котором все человеческие отношения представляются как отношения обмена и купли-продажи, а сам человек как коварный корыстолюбец. Участие государства

⁶ “It is well enough that people of the nation do not understand our banking and monetary system, for if they did, I believe there would be a revolution before tomorrow morning”.

⁷ “We know now that Government by organized money is just as dangerous as Government by organized mob”.

в регулировании экономики оценивается в рамках этого образца в основном негативно [Ефимов, 2015; 2016].

Монетарный социальный порядок и трёхсотлетнее противостояние двух теорий денег

Существующий на Западе вот уже более трехсот лет социальный порядок мало назвать капитализмом. При капитализме допускается получение дохода на капитал, и в этом смысле можно говорить о средневековом капитализме [Эрс, 2014], однако в Средневековье деньги не были *важнейшим* источником власти, тогда как в конце XVII в. после так называемой «Славной революции» (1688 г.) и основания Банка Англии (1694 г.) создается принципиально новый социальный порядок, при котором буржуазия впервые подчиняет себе государство. Причем инструментом этого захвата власти буржуазией послужил преобразованный институт денег [Ingham, 2004; 2020].

Именно поэтому существующий более трехсот лет западный социальный порядок нужно охарактеризовать так такой, при котором обладание деньгами, этими универсальными талонами на получение товаров и услуг, а тем более правом их создания и контроля, является *важнейшим источником власти*. Я предлагаю назвать его *монетарным социальным порядком* [Ефимов, 2018a].

Нельзя говорить о существовании монетарного социального порядка в тех странах и в те периоды их существования, где и когда деньги играли важную роль во взаимодействии людей, но в то же время не являлись и/или не являются *важнейшим* источником власти. Именно это и имело место в России второй половины XIX и начала XX веков. Этот период можно рассматривать просто как один из этапов движения к действующему сейчас в России патрональному социальному порядку [Ефимов, 2018b; 2019].

Трёхсотлетняя история монетарного социального порядка сопровождается трёхвековым же противостоянием двух теорий денег, а именно счетно-долговой институциональной и товарной теории. Первая из них проявляется в некоторых редких эпизодических публикациях, в том числе и в двух книгах английского социолога Дж. Ингэма [Ingham, 2004; 2020]. Напротив, товарная теория денег продолжает доминировать в университетских

учебниках. В книге А. А. Аузана «Экономика всего», равно как и в книге Д. Норта «Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность», как ни странно это может показаться на первый взгляд, нет даже упоминания о каких-либо теориях денег. Ничего не говорится об этом и в многочисленных российских учебниках по институциональной экономике.

Различие в восприятии денег, как товара и как института, можно пояснить, сравнивая деньги с такими явлениями, как шахматы и футбол, тем более что Дуглас Норт определил институт как правила игры (*rules of the game*). Шахматы – это не фигуры и доска, это правила взаимодействия шахматистов. Футбол – это не мяч, поле и ворота, это правила взаимодействия футболистов. Равным образом деньги – это не золото, монеты, банкноты, числа в бухгалтерской книге или компьютере, это правила взаимодействия членов определенного платежного сообщества, использующего одну и ту же валюту⁸.

Роль государства как арбитра в этом взаимодействии состоит в обеспечении следованию членов платежного сообщества правилам игры. В правила игры входят также выплата определенного количества денег в виде налогов государству. Клиенты частного банка образуют частное платежное сообщество, а публичное платежное сообщество образуется внутри государства, которое его легитимирует.

Монеты – универсальные жетоны на получение товаров и услуг. Банкноты – универсальные карточки-талоны на получение товаров и услуг. Деньги на счетах (банковские деньги) – записи в «большой бухгалтерской книге» платежного сообщества. Все три вида денег отражают долг платежного сообщества владельцу денег, который частично может передаваться государству в виде уплаты налогов.

Важнейшим правилом взаимодействия внутри платежного сообщества является прием денег, которыми обладает один из его членов («долговой расписки» сообщества этому его члену) в качестве оплаты за товар или услугу, который он получает от другого члена этого сообщества. При получении товара или услуги

⁸ Понятие платежного сообщества ввел член Немецкой историко-этической экономической школы Георг Кнапп в своей книге «Государственная теория денег», немецкий оригинал которой был опубликован в 1905 г. Перевод этой книги на английский язык [Кнапп, 1924] инициировал Дж. М. Кейнс.

долг сообщества этому его члену, выраженному в истраченной на покупку сумме денег, погашается⁹.

Эту счетно-долговую институциональную теорию денег большинство экономистов не знает и не воспринимает до сих пор. Вот что об этом пишет Дж. Ингэм: «Теоретики конца XIX века, создавшие методологию современного экономикс, придерживались той или иной версии товарной теории денег. Собственно деньги означали либо драгоценный металл, либо его конвертируемый бумажный символ. Деньги были по существу материальны и осязаемы; их можно было хранить и передавать из рук в руки – они циркулировали. Общепринятой теорией денег была теория золотого стандарта <...> Но теория, лежащая в основе новой экономической науки [экономикс], на самом деле была очень старой. Многие из наиболее влиятельных политэкономов XVII и XVIII веков – Локк, Петти, Юм, Кантильон – придерживались основных положений аристотелевского объяснения эволюции и функций денег. Чуть позже, «его [этого объяснения] позиции существенно укрепил А. Смит» [Шумпетер, 2004. С. 379]. Экономисты конца XIX века просто включили устоявшуюся теорию создания денег путем чеканки монет из драгоценных металлов в свои теории предельной полезности и спроса и предложения. Более того, несмотря на последующее исчезновение всех форм денег из драгоценных металлов (как реальной валюты, так и не обращающегося стандарта ценности/стоимости), фундаментальные предпосылки современного ортодоксального экономического мышления остаются основанными на этой самой ранней из известных теорий происхождения и функций денег» [Ingham, 2004. P. 15–16].

Й. Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» выделяет два положения в теории денег Аристотеля: «Первое состоит в том, что для каких бы других целей ни использовались деньги, их фундаментальная функция, определяющая их и объясняющая их существование, заключается в выполнении роли средства обращения <...> Второе положение состоит в том, что, для того чтобы служить средством обращения на товарных рынках, сами деньги должны быть одним из этих товаров. То есть они

⁹ Интерпретацию советской денежной системы с помощью этой теории см. [Ефимов, 2018с].

должны быть полезной вещью и обладать меновой ценностью, не зависящей от их денежной функции; вот и все, что означает в этой связи внутренняя ценность – ценность, которая может сравниваться с другими ценностями. Таким образом, денежный товар, как и другие товары, оценивается в зависимости от его веса и качества; для удобства люди могут решить поставить на него штамп (χαρακτήρ) <характер>, чтобы сэкономить усилия, необходимые для того, чтобы каждый раз его взвешивать. Но этот штамп только провозглашает и гарантирует качество и количество товара, содержащегося в монете, и не является причиной его ценности» [Шумпетер, 2004. С. 78]. Средневековые теологи много черпали в своих схоластических рассуждениях у Аристотеля. Наверняка хорошо знал его произведения и Адам Смит, будучи профессиональным преподавателем теологии (первый из четырех разделов читаемого им курса моральной философии был посвящен натуральной теологии) и его теория денег практически совпадает с аристотелевской.

Как пишет Дж. Ингэм, вместо того, чтобы рассматривать отношения между агентами, ортодоксальная экономическая модель включает объект–объектные отношения (отношения обмена между товарами, или «функция производства») и отношения отдельных агентов с объектами (акты расчета полезности, или «функция полезности»). Вместе взятые, замечает Дж. Ингэм, объект–объектные и агент–объектные отношения составляют то, что Й. Шумпетер охарактеризовал как «реальная» экономика: «Деньги входят в общую картину только в скромной роли технического средства, принятого для облегчения сделок. Этот механизм может, несомненно, выйти из строя, и в этом случае он вызовет специфические явления, связанные с характером его функционирования (*modus operandi*). Но пока он работает нормально, он не влияет на экономический процесс, который протекает так же, как в бартерной экономике: именно это в основном подразумевает концепция нейтральных денег. Таким образом, деньги были названы “вуалью”, прикрывающей вещи, имеющие реальное значение как для домохозяйств и фирм в их повседневной практике, так и для наблюдающего за ними аналитика. При анализе основных черт экономического процесса их не только *можно*, но и *должно* отбросить, подобно тому как мы поднимаем вуаль, если хотим

увидеть скрывающееся под ней лицо. Соответственно, цены в денежном выражении должны уступить место меновым соотношениям между благами, являющимися действительно важными вещами, стоящими “за” денежными ценами» [Шумпетер, 2004. С. 361]. Новая институциональная экономическая теория не восприняла феномен денег как институт и в этом отношении, как и во многом другом, пошла на поводу у неоклассического подхода.

Начало противостояния рассмотрения денег как института и как товара нужно, по-видимому, отсчитывать от спора между Джоном Локком и секретарем казначейства Уильямом Лаундсом. Вот как Шумпетер прокомментировал этот спор в своей «Истории экономического анализа»: «Локк даже зашел так далеко, что заявил, будто то, что он называл снижением ценности монеты, бесполезно – и фактически невозможно – на том основании, что унция серебра никогда не могла бы стоить больше, чем унция серебра! Позиция Локка и ее аргументация уступали позиции его главного оппонента Лаундса. Вот что случается с человеком, “который отдает партии то, что принадлежит человечеству”. Странно и грустно отметить, что как сама мера, так и выступление Локка в ее защиту превозносились, иногда в самых восторженных выражениях, в течение более двухсот лет» [Шумпетер, 2004. С. 391].

Одним из важнейших положений идеологии Локка было трудовое происхождение частной собственности [Локк, 1988. С. 287]. А так как деньги являются важным элементом и центральной характеристикой частной собственности, то признание их кредитного/долгового характера существенно подорвало бы эту идеологию, направленную против государственной власти, которая в то время имела форму абсолютной монархии [Мартин, 2017. С. 146–164].

Основатель политического либерализма Джон Локк может рассматриваться как первый идеолог монетарного социального порядка, возникшего в результате «Славной революции». Это он в свое время закрыл путь для развития теории денег, отличной от товарной. Почему он это сделал, хорошо раскрыто в книге Феликса Мартина «Money. Неофициальная биография денег». Вот что писал автор этой книги по этому поводу: «Правда заключалась в том, что Локк прекрасно понимал политическую

важность денежного стандарта. Истоки денежной теории Локка находились как раз в его политической мысли. Три десятка лет, сквозь годы Реставрации, последствия Билля об отводе и Славной революции, Локк неустанно трудился, стараясь уничтожить интеллектуальную основу абсолютной монархии и упрочить позиции политического либерализма и конституционного правительства. В центре его философии находилась аксиома, что права человека на собственность даны ему от природы, а не по воле правителя. Именно на принципе естественного происхождения прав собственности основывалась защита Локком гражданских свобод от посягательства абсолютной власти, и именно этот принцип был идеологической базой нового режима – конституционного правительства. А деньги – как одна их наиболее важных категорий собственности – не могли быть исключением. Теорию денег [разделяемую экономистами того времени, что деньги не обязательно должны соответствовать золотому стандарту] необходимо было модифицировать в рамках новой политической философии. Точка зрения Лаундса и многих других экономистов эпохи, что ценность английских денег существует только по воле правителя, подразумевала, что каждый гражданин страны “живет только по милости правителя, и богат или беден, работает ли он или попрошайничает, свободен ли он или в кандалах – все это в руках короля”. Вся философская система Локка была создана, чтобы доказать, что подобная абсолютная власть короля над подданными не только несправедлива, но и противоестественна. Его аргументы были настолько весомы, что со Славной революцией и Биллем о правах английская конституция преобразилась. Предложение же Лаундса было троянским конём, которого ни в коем случае нельзя было впускать в крепостные ворота политического либерализма. Учреждение Банка Англии стало лишним доказательством того, что эти потенциально бунтарские взгляды на деньги необходимо выжечь калёным железом» [Мартин, 2017. С. 156–157].

Вслед за спором Локка и Лаундса в противостоянии двух теорий денег нужно отметить работы Адама Смита и Джеймса Стюарта. В отличие от Смита, который продолжал в своем «Богатстве народов» традиции теологических рассуждений [Waterman, 2004], Стюарт в своей книге «Исследование принципов политической экономии» [Steuart, 1767] основывается

на фактах, а не на априорных предпосылках¹⁰. Это он впервые ввел понятие счетных денег (*money of account*). Он понял, что деньги выполняют ту же функцию в отношении ценности вещей, что и градусы, минуты, секунды и т.д. в отношении температуры и времени. Денежная единица, по Стюарту, не может быть закреплена в вечности за каким-либо определенным количеством золота, серебра или какого-либо другого товара вообще.

Ну, а Карл Маркс, и с точки зрения методологии, и с точки зрения теории денег, был хорошим учеником Адама Смита. Генри Маклеод был современником Маркса, который, очевидно, был достаточно хорошо знаком с трудами Г. Маклеода¹¹, так как в «Капитале» упоминается его имя. Возникает вопрос: почему Маркс не воспринял идеи Г. Маклеода относительно кредитной (долговой), а не товарной природы денег? Мне думается, это произошло по той же причине, что и ранее у Дж. Локка, у которого одним из важнейших положений идеологии было трудовое происхождение частной собственности. Важнейшим положением идеологии, развиваемой Марксом, была *эксплуатация* капиталистами рабочих путем присвоения себе прибавочной стоимости. Идея недоплаты капиталистами рабочим, присвоения себе их труда, не будет выглядеть также убедительно, если ее пытаться сформулировать на основе не трудового, а кредитного видения природы денег.

Продолжение противостояния двух теорий денег четко проявилось в знаменитом Споры о методах (*Methodenstreit*). Основатель австрийской экономической школы Карл Менгер продолжал следовать аристотелевской традиции в понимании денег, и более широко, в аристотелевском, перешедшим в средневековое, понимании науки и ее методологии. В отличие от Менгера представитель Немецкой историко-этической экономической школы Георг Кнапп внес свой вклад в развитие счетно-долговой институциональной теории денег, основываясь не на априорных предпосылках как Менгер, а на фактах, в частности, фактах монетарных пертурбаций в Австрии.

¹⁰ Основатель Немецкой историко-этической экономической школы Густав Шмоллер утверждал, что его школа продолжает и развивает методологию и идеи Дж. Стюарта.

¹¹ Напомню, что Дж. Коммонс назвал Генри Маклеода инициатором (*originator*) институциональной экономики.

Эту историю противостояния двух теорий денег достаточно легко продолжить для всего XX века и довести ее до наших дней.

Об эволюции экономического мейнстрима в университетском образовании как идеологического сопровождения монетарного социального порядка

Профессия экономистов как университетских преподавателей возникла во второй половине XIX века во Франции, Англии, США и Германии в связи с появлением в этих странах так называемого «социального вопроса», состоящего в плохом положении рабочих и их семей, а также их протестной деятельности. В Германии социальный вопрос не стоял еще так остро, как во Франции, Англии и США, но канцлер Отто фон Бисмарк очень опасался того, что в Германии накал протестной деятельности рабочих может стать таким же острым, как и там.

Три течения экономической мысли, а именно классическая политэкономия, за которой последовал неоклассический экономикс, марксизм и исходный институционализм, начало которому положила немецкая историко-этическая школа, давали три разных варианта решения этого вопроса. Классическая политэкономия, а за ней и экономикс, были направлены на оправдание общественного порядка раннего промышленного капитализма, который, собственно, и породил социальный вопрос. Ранние экономисты считали вредным какое-либо государственное или общественное вмешательство, направленное на разрешение социального вопроса.

Марксисты, вслед за ранними экономистами, верили, что существующие экономические законы не могут быть ни отменены, ни скорректированы в рамках капитализма, но, в отличие от них, клеймили их антагонистический характер. По Марксу, противоречия между работодателями и наемными работниками являются непримиримыми, и строй, основанный на разделении работодателей и наемных работников, должен быть заменен другим, где этого разделения нет.

Густав Шмоллер, глава немецкой историко-этической школы, отказался как от понятия естественных экономических законов, так и от непримиримого антагонизма между работодателями и их наемными работниками. Вместо естественных законов в центре внимания этой школы встали институты, а вместо либо сохранения

статус-кво, либо революционного свержения капитализма, решение социального вопроса виделось Шмоллером в переходе к социальному государству с его более справедливыми институтами, которые реформируют, а не ликвидируют частную собственность и наемный труд. Такое видение социального вопроса произошло в рамках кардинальной смены парадигмы экономической науки. Для успешности продвижения к социальному государству необходимо было детальное знание о реформируемой действительности, на получение которого и была направлена деятельность немецких экономистов.

Как уже было отмечено, монетарный социальный порядок в Англии возник в результате Славной революции 1688 года. Во Франции его возникновение можно отсчитывать от Июльской революции 1830 года. Решающую роль в этой революции сыграл банкир Жак Лаффитт (1809–1831 – член правления Банка Франции, в 1814–1820 годах – его управляющий), после чего он занял пост премьер министра и министра финансов, а в 1843 году был избран председателем парламента. К. Маркс приводит следующую фразу Ж. Лаффитта сразу после победы Июльской революции: «Отныне господствовать будут банкиры» и от себя добавляет: «Лаффит выдал тайну революции» [Маркс, Энгельс, 1956. С. 8].

Американская политическая система с самого начала создавалась богатыми для богатых. О том, что это было именно так, свидетельствует очень известный и влиятельный в свое время американский историк Чарльз Бирд в книге «Экономическая интерпретация Конституции Соединенных Штатов» [Beard, 1913]: «Бирд отверг все прежние трактовки, объявляющие конституцию продуктом свободного волеизъявления нации и образцом демократии, и, сосредоточившись на экономических мотивах авторов Основного закона, охарактеризовал его как воплощение правовых собственнических интересов американских верхов. Проанализировав экономические интересы 55 участников Филадельфийского конвента 1787 г., выработавшего Конституцию США, Бирд пришел к выводу, что они отражали волю четырех групп: финансового капитала, владельцев государственного долга, мануфактуристов, торгово-купеческих кругов» [Согрин, 2010. С. 101].

В середине XIX века университетские курсы политической экономии во Франции, Англии и США сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Вот что французский министр народного образования Виктор Дюрюи писал в 1864 году в своём докладе Императору Наполеону III по поводу создания кафедры политической экономии на парижском факультете права: «В своё время Ваше Величество обратилось к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии. Вы, Государь, утверждали также, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» [Dumez, 1985. С. 43–44].

После выхода в 1867 году в свет «Капитала» Маркса основывать легитимацию монетарного социального порядка на трудах Смита и других представителей классической политической экономии становится затруднительным из-за их трудовой теории ценности/стоимости. Ведь Маркс использовал ее для делигитимации этого порядка. И вот тут очень кстати в экономической дисциплине происходит так называемая «маржиналистская революция». Л. Вальрас и У. Джевонс переодели классическое послание политической экономии *laissez-faire* в математические одежды, заимствованные на метафорическом уровне у термодинамики [Майровски, 2012].

Такая математизация не сделала переход от политической экономии к экономике переходом от философии к науке, как это произошло в естествознании с рождением Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе. Одним из «революционеров» был Карл Менгер, участник знаменитого спора о методах между Шмоллером и Менгером. Шмоллер тянул экономическую дисциплину в науку, функционально схожую с естествознанием, а Менгер по существу настаивал на сохранении ее «философской» природы. Усилиями тройки Менгер,

Вальрас, Джевонс экономической дисциплине удалось уйти от марксистских ужасов «эксплуатации».

С легкой руки Альфреда Маршалла, который и запустил экономикс, эта дисциплина все еще продолжает служить основой экономического образования. Как свидетельствует американский исследователь А. Коутс, «интегрируя маржиналистскую революцию в свой экономикс, Маршалл сузил предмет экономической дисциплины, устранив из неё такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость» [Coats, 1993. P. 396].

Известный американский историк экономических учений Роберт Хайлбронер отмечал, что вклад современного экономикс «в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он откровенно скуден» [Хайлбронер, 1993. С. 53]. «Но если, – продолжает он, – экономическая теория настолько уязвима, почему же она пользуется таким престижем? К сожалению, не исключено, что причина этого заключается именно в том, что в своей современной форме она неисторична, асоциальна и аполитична» [Там же]. Именно в таком виде, как считает Хайлбронер, она может рассчитывать на особую благосклонность существующего социального порядка, выполняя поддерживающую его идеологическую функцию.

По мнению исследователя, экономикс представляет собой идеологическую систему, предназначенную для того, «чтобы обеспечить моральную уверенность, которая есть необходимая предпосылка политического и социального душевного покоя как для господствующих, так и для подчинённых элементов», действующих в рамках существующего социального порядка [Там же. С. 53–54]. Хайлбронер уточняет, что в этой своей идеологической функции экономикс вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти» и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов» [Heilbroner, 1988. P. 7–8].

С такой профессиональной направленностью на идеологическое служение монетарному социальному порядку экономический неоклассический мейнстрим оказался и продолжает быть достаточно устойчивым. Радикальное противостояние ему в лице немецкой историко-этической школы Г. Шмоллера и американского исходного институционализма Дж. Коммонса

было недолгим и произошло при абсолютно исключительных обстоятельствах. В Германии причиной послужило стремление правительства Отто фон Бисмарка устранить социальные напряжения в только что созданной объединенной Германии. В США это была реформаторская политика в начале века губернатора штата Висконсин Роберта Лафоллета (1855–1925) и позже нацеленность правительства президента Франклина Рузвельта на кардинальное устранение последствий Великого краха 1929 года [Ефимов, 2016].

В 1873 году, два года спустя после объединения Германии, был основан Союз за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*). Эта была необычная ассоциация экономистов, созданная не для того, чтобы организовывать ежегодные конференции, где члены ассоциации могли бы представить доклады по своим выполненным индивидуально работам, а для того чтобы своими исследованиями коллективно способствовать решению социального вопроса.

Экономическая мысль существует в четырех лицах: наука, философия, идеология и утопия, и если под наукой понимать действительные (а не выдуманные) исследовательские практики, принятые в естествознании, то в истории экономических учений можно обнаружить несколько островков науки в море философии, идеологий и утопий. Одним из них является немецкая историко-этическая школа, возглавляемая Шмоллером.

Для реформаторской деятельности нужны как доктрины, которые дают ей направление, так и детальные знания о существующих социальных практиках с тем, чтобы оценить реалистичность доктрин и, что не менее важно, проводить реалистичные изменения данных социальных практик. Сами эти изменения осуществляются не учеными, а политиками и акторами, вовлеченными в реформируемые практики, задача ученых – поставять им доктрины и знания о реальности. Многие негативные, а нередко просто катастрофические, последствия деятельности профессиональных экономистов были вызваны тем, что они ограничивались снабжением политиков только доктринами, но никак не реальными знаниями о действительности, которая подлежит реформированию. Пионерский вклад школы Шмоллера как раз и состоит в том, что она дала пример того, как профессия экономистов может способствовать реформам, принося политикам

не только доктрины, но и детальные знания о реформируемой реальности.

Джон Коммонс был одним из основателей институционализма как в его научной, то есть экспериментальной форме, так и в его философско-теоретическом обличье. Так называемая «новая институциональная экономическая теория», которая сейчас стала одним из важных элементов экономического мейнстрима, сделала своим центральным понятием «транзакцию», идею которой она заимствовала у Коммонса, полностью ее исказив, сведя к транзакционным издержкам.

Известный современный американский историк экономической мысли так характеризует интеллектуальное наследие Коммонса: «Если рассматривать транзакцию как сложный социальный феномен, которым она и является, должно стать очевидным, что конфликты интересов и интерпретаций будут очень распространены. Таким образом, проблемы координации в рыночной системе будут изобилующими, и возникнет настоятельная необходимость некоторого понятия “разумной ценности”, относительно которой нужно будет достигать договорённостей. Эта концепция ценности может быть лишь исторической и зависящей от эволюции интерпретативного сообщества. Наследие Коммонса как экономиста было удивительно созвучно сформулированным им философским предположениям. Как хорошо известно, и он, и его студенты были очень активны в юридических и правительственных кругах, направляя усилия на то, чтобы склонить суды и законодателей признать их роль как экспериментаторов и посредников. Позиция Коммонса заключалась в открытой пропаганде идеи постепенного совершенствования капитализма посредством государственного вмешательства. Многие из экономических функций американского правительства, которые мы сегодня принимаем за само собой разумеющиеся, были делом рук Коммонса и его учеников в первой половине XX века. Однако последующее поколение экономистов сочло его величайшие триумфы в практической сфере за упущения в сфере экономической теории. Его основная мысль о том, что не существует никаких “естественных” оснований экономических институтов, было истолковано как подразумевающее, что Коммонс не оставил после себя никакой

систематической экономической теории» [Майровски, 2013. С. 81].

Школа Шмоллера перестала существовать после прихода к власти Гитлера. Школа Коммонса исчезла на фоне послевоенного маккартизма¹². После этого, за редким исключением, практически все американские университетские экономисты стали, как выразился Джозеф Стиглиц, «самыми активными участниками группы поддержки капиталистического свободного рынка» (*free market capitalism's biggest cheerleader*) [Стиглиц, 2011. С. 288]. Перед ними встала задача исказить и дискредитировать наследие как Немецкой историко-этической школы, так и Исходного институционализма Джона Коммонса. Вот за эту задачу и взялись конструкторы Новой институциональной экономической теории. Исходный институционализм был намеренно негативно окрещен «старым», термин, который можно трактовать как «отживший».

Если школы Шмоллера и Коммонса выводили свои теоретические положения из анализа истории, то Д. Норт перевернул этот подход с ног на голову, анализируя историю путем просвещения ее через призму неоклассической экономической теории. Введенное Дж. Коммонсом понятие транзакции не просто исказили, сведя его к транзакционным издержкам, оно в таком виде стало центральным в Новой институциональной экономической теории, которая на этой базе продолжила дело Локка, Смита и армии неоклассиков по легитимации монетарного социального порядка.

Дж. Локк строил свою легитимацию этого порядка на базе трудового понимания собственности, запустив понятие естественных законов, действующих в обществе, не зависящих от воли людей и тем самым не подлежащих изменениям, а также преградив путь пониманию денег как социального института. Основываясь на этих положениях Локка, Смит исключил политику, а, следовательно, и власть, из своих построений, заменив их автоматическим действием законов рынка и воскресив аристотелевскую товарную теорию денег. Экономикс, чтобы лучше позиционироваться в борьбе с теорией эксплуатации Маркса, отказался от трудового происхождения

¹² См. по этому поводу свидетельства американского экономиста Фредерика Ли, воспроизводимые в моей книге «Экономическая наука под вопросом» (С. 237–242).

ценности, однако продолжал опираться на товарную теорию денег, провозгласив их нейтральность и тем самым преградил путь к рассмотрению их как источника власти. Продолжая пропагандировать автоматизм законов рынка, он апеллировал уже не столько к божественной воле и невидимой руке, сколько к экономической эффективности.

Р. Коуз переформулировал товарную теорию денег в терминах транзакционных издержек [Коуз, 2015. С. 10–11] и предложил экономистам более активно использовать это понятие, что Д. Норт и его коллеги и сделали. Норт последовал схеме неоклассиков, рассматривая институты как дополнительные к ресурсным ограничения максимизирующего поведения, тем самым отделив понятие института от понятия власти. Властвующие же отношения, в том числе и внутри собственно политической системы, были представлены в виде рыночных взаимодействий. При этом «экономический человек» в этой теории «обогатился» «оппортунистическим поведением».

Продолжая дело легитимации частной собственности, начатое Локком, Норт в своей последней книге вместе со своими соавторами [Норт и др., 2011] связывает экономическое процветание со степенью защищенности прав собственности. Поворотным пунктом от незащищенности к защищенности прав собственности он называет «Славную революцию» 1688 года¹³. То, что это не согласуется с историческими фактами, прекрасно показано в статьях Р.И. Капелюшникова [Капелюшников, 2019а; 2019б], который, по словам А. А. Аузана, был первооткрывателем Новой институциональной экономической теории в России.

Однако ни сам Р.И. Капелюшников, ни критикуемые им Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст не поняли, что же на самом деле произошло в Англии в 1688 году, а именно возникновение совершенно нового социального порядка, существующего на Западе до сих пор – монетарного социального порядка, при

¹³ «По сути, вся история человечества делится <...> на два периода: первый, когда почти все было “плохо”, и второй, когда местами стало “хорошо”. Рубежом выступает английская Славная революция 1688 г., которую Норт и нортианцы считают поворотным пунктом всемирной истории. Без нее не было бы современного экономического роста, а без него мир оставался бы таким, каким он был в предшествующие тысячелетия» [Капелюшников, 2019а. С. 140].

котором деньги, выпускаемые частными банками в виде кредитов, получают статус государственных денег [Ефимов, 2018а].

Вот что об этом пишет Дж. Ингэм: «По сути дела, находящийся в частной собственности Банк Англии трансформировал личный долг государя в государственный долг и, в конце концов, в свою очередь, в государственную валюту. Подоплекой этой трансформации в общественном производстве денег было изменение в балансе сил, которое было выражено в юридической концепции суверенитета конституционной монархии “Король-в-парламенте” (‘King-in-Parliament’), состоящей в разделении власти между королем и парламентом. Начали оформляться институты производства капиталистических кредитных денег, а также баланс экономических и политических интересов, которые лежали в их основе. Государство было профинансировано за счет кредитов мощного класса кредиторов, которые были направлены через центральный банк. Каждый из них имел интерес к долгосрочному выживанию другого. Слияние двух типов денег, а именно частных бумажных денег и государственных денег в виде монет, которое стало возможным в Англии благодаря политическому урегулированию и отказу от абсолютистского денежного суверенитета, позволило решить две существенные проблемы, с которыми пришлось столкнуться в предыдущих приложениях социальной технологии кредитных денег. Частные деньги в виде векселя поднимались с уровня частной торговой сети и включались в более широкое и более абстрактное денежное пространство, основанное на безличном доверии и легитимности» [Ingham, 2004. P. 128].

Литература

Аузан А. А. История моей кафедры в МГУ. 2010. URL: <https://snob.ru/profile/5340/blog/22333>

Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Ефимов В. М. К реформе экономического образования // Эксперт Урал. 2015. № 17 (643). URL: <http://www.acexpert.ru/archive/nomer-17-643/k-reforme-ekonomicheskogo-obrazovaniya.html>

Ефимов В. М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М. 2016. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2016/12/23/1251072856/efimov.pdf>

Ефимов В. М. Конец алхимии финансов и суверенные деньги (О книгах М. Кинга «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной

экономики» и Й. Хубера «Суверенные деньги. За пределами банковского резервирования») // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 131–141.

Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2018а. № 1. С. 7–25.

Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 2–1 // Вопросы теоретической экономики. 2018б. № 2. С. 28–46.

Ефимов В. М. Деньги и делиберация при капитализме и социализме // Экономическая теория: триумф или кризис? XVII Ежегодная международная конференция из цикла «Леонтьевские чтения» / Под ред. А. П. Заостровцева. Санкт-Петербург: Леонтьевский центр, 2018с.

Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 2–2 // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 1. С. 7–23.

Ефимов В. М. О политическом завещании Сталина // Journal of Economic Regulation. 2020, Том 11. № 1. С. 6–35.

Капелюшников Р. И. Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. 2019а. № 7. С. 119–146.

Капелюшников Р. И. Contra панинституционализм. Часть II // Вопросы экономики. 2019б. № 8. С. 98–126.

Катасонов В. Ю. Алхимия денег. Как банки делают деньги из воздуха. М.: Книжный мир. 2020.

Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. М. СПб.: Издательство Института Гайдара. 2015.

Локк Дж. Сочинения в трех томах. Том 3. М.: Издательство «Мысль». 1988.

Майровски Ф. Физика и «маргиналистская революция» // Terra Economicus. 2012. Том 10. № 1. С. 100–116.

Майровски Ф. Философские основания институционалистской экономики (Часть 2) // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 3. С. 72–88.

Маклеод Г. Д. Основания политической экономии. СПб: Издание Николая Тиблена, 1865.

Маркс К. и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Том 7. М.: Политиздат. 1956.

Мартин Ф. Money. Неофициальная биография денег. М.: Издательство «Синбад», 2017.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

Резерфорд М. Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // Terra Economicus. 2012а. Т. 10. № 2. С. 32–53.

Резерфорд М. Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // Terra Economicus. 2012б. Т. 10. № 4. С. 91–106.

Согрин В. В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010.

Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011.

Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. № 1. С. 41–55.

Шумпетер Й. История экономического анализа. Том 1. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2004.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.

Эрс Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. СПб.: Евразия, 2014.

Beard Ch. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York: The Macmillan Company, 1913.

Bromley D. W. Sufficient Reason. Volitional Pragmatism and the Meaning of Economic Institutions. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Coats A. W. (1993). The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. Vol. 2. London and New York: Routledge.

Commons J. R. Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison: The University of Wisconsin Press, 1964.

Commons J. R. Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.

Dumez H. L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras. Paris: PUF, 1985.

Heilbroner R. Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York, London: W. W. Norton & Co, 1988.

Huber J. Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. London: Palgrave Macmillan, 2017.

Ingham G. The Nature of Money. Cambridge: Polity Press, 2004.

Ingham G. Money. Ideology, History, Politics. Cambridge: Polity Press, 2020.

King M. The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy. London: Little, Brown Book Group, 2016.

Knapp G. F. The State Theory of Money. London: Macmillan and Company Limited, 1924.

Mcleay, M., Radla, A. & Thomas, R. Money Creation in Modern Economy. Bank of England Quarterly Bulletin, 2014. 54(1). Pp. 14–27.

North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Economy. London: A. Miller and T. Cadell, 1767.

Waterman A. M. C. Political Economy and Christian Theology Since the Enlightenment. Essays in Intellectual History. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

Статья поступила 05.05.2020.

Статья принята к публикации 21.05.2020.

Для цитирования: *Ефимов В. М.* Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 1 // ЭКО. 2020. № 9. С. 62-89. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-62-89.

Summary

Yefimov, V., Doct. Sci. (Econ., Development Studies), independent researcher, France

Anti-Auzan: the Critique of a Social Philosophy. Part 1

Abstract. The paper provides an answer to the question why the new institutional economics (NIE) ignores the institution of money, despite the fact that this institution is a central one in the capitalist economy. The fact is that NIE, continuing the traditions of classical political economy and then neoclassical economics, aims at legitimizing the monetary social order, in which a significant part of the money supply is issued by private banks when giving out loans. The monetary social order appeared first in England as a result of the “Glorious revolution” of 1688, which resulted in subordination of the state to the bourgeoisie. Money thus becomes the main source of power, and the economic theory taught in universities is directed precisely at concealing this. For the first time, money as a social institution was consistently considered in the institutional economics of John Commons, and NIE, having emasculated its basic concepts, continues, as a university academic discipline, the ideological cover-up of the monetary social order.

Keywords: *path dependence of the profession of Soviet political economist; A.A. Auzan; new institutional economics; original institutionalism; J. Commons; monetary social order; three-hundred-years opposition of two theories of money; D. North; NIE as a continuation of the ideological support of the monetary social order*

References

- Auzan, A.A. (2010). History of my chair at MSU. (In Russ.) Available at URL: <https://snob.ru/profile/5340/blog/22333>
- Auzan, A.A. (2017). *Economics of everything. How institutions define our life.* Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).
- Beard, Ch. (1913). *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States.* New York: The Macmillan Company.
- Bromley, D.W. (2006). *Sufficient Reason. Volitional Pragmatism and the Meaning of Economic Institutions.* Princeton: Princeton University Press.
- Coase, R.H. (1994). *Essays on Economics and Economists.* Chicago: University of Chicago Press.
- Coats, A.W. (1993). *The Sociology and Professionalization of Economics.* British and American Economic Essays. Vol. 2. London and New York: Routledge.
- Commons, J.R. (1964). *Myself. The Autobiography of John R. Commons.* Madison: The University of Wisconsin Press.
- Commons, J.R. (1990). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy.* New Brunswick: Transaction Publishers.
- Dumez, H. (1985). *L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras.* Paris: PUF.
- Eggertsson, T. (1990). *Economic Behavior and Institutions.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Heers, J. (2012). *La naissance du capitalisme au Moyen-âge.* Paris: Perrin.
- Heilbroner, R. (1988). *Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy.* New York, London. W.W. Norton & Co.
- Heilbroner, R. (2004). *Economics as Universal Science. Social Research.* Vol. 71. No. 3. Pp. 615–632.
- Huber, J. (2017). *Sovereign Money. Beyond Reserve Banking.* London. Palgrave Macmillan.

- Ingham, G. (2004). *The Nature of Money*. Cambridge: Polity Press.
- Ingham, G. (2020). *Money. Ideology, History, Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Kapelyushnikov, R.I. (2019a). Contra paninstitutionalism. Part I. *Problems of Economics*. No. 7. Pp. 119–146. (In Russ.).
- Kapelyushnikov, R.I. (2019b). Contra paninstitutionalism. Part II. *Problems of Economics*. No. 8. Pp. 98–126. (In Russ.).
- Katasonov, V. Yu. (2020). *The Alchemy of money. How banks make money out of air*. Moscow: Knizhnyi Mir. (In Russ.).
- King, M. (2016). *The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy*. London: Little, Brown Book Group.
- Knapp, G.F. (1924). *The State Theory of Money*. London: Macmillan and Company Limited.
- Lock, J. (1988). *Works in three volumes*. Vol. 3. Moscow. Edition MYSL. (In Russ.).
- Macleod, H.D. (1858). *The Elements of Political Economy*. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts.
- Martin, F. (2013). *Money: The Unauthorized Biography*. London: The Bodley Head Ltd.
- Marx, K. and Engels, F. (1956). *Works*. Ed. 2, vol. 7. Moscow. Politizdat. (In Russ.).
- McLey, M., Radla, A. & Thomas, R. (2014). Money Creation in Modern Economy. *Bank of England Quarterly Bulletin*. No. 54(1), Pp. 14–27.
- Mirowski, Ph. (1984). Physics and the “marginalist revolution”. *Cambridge Journal of Economics*. No. 8. Pp. 361–379.
- Mirowski, Ph. (1987). The Philosophical Bases of Institutionalist Economics. *Journal of Economic Issues*. Vol. XXI, n° 3, September, Pp. 1001–1038.
- North, D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North, D.C., Wallis, J.J., Weingast, B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N.Y.: Cambridge Univ. Press.
- Rutherford, M. (2012a). Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and His Students. *Labor History*, Vol. 47. No. 2, May 2006, Pp. 161–188.
- Rutherford, M. (2012b). *Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics, 1900–1930*. In Harro Maas and Mary Morgan, eds., *Histories of Observation in Economics*. Supplement to volume 44, *History of Political Economy*, Durham, NC: Duke University Press. Pp. 179–199.
- Schumpeter, J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press. (In Russ.).
- Sogrin, V.V. (2010). *Historical experience of the USA*. Moscow. Nauka Publ. (In Russ.).
- Steuart, J. (1767). *An Inquiry into the Principles of Political Economy*. London: A. Miller and T. Cadell.
- Stiglitz, J. (2010). *Freefall. America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*. New York: W. W. Norton & Company.
- Waterman, A.M.C. (2004). *Political Economy and Christian Theology Since the Enlightenment. Essays in Intellectual History*. New York: Palgrave Macmillan.

Yefimov, V.M. (2015). Towards the reform of economic education. *Expert-Ural*. No.17 (643). (In Russ.). Available at URL: <http://www.acexpert.ru/archive/nomer-17-643/k-reforme-ekonomicheskogo-obrazovaniya.html>

Yefimov, V.M. (2016). *Economic science in question: other methodology, history and research practices*. Moscow. KURS: INFRA-M Publ. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2017). The end of alchemy of finance and sovereign money (On the books by M. King “The end of alchemy: Money, banking and the future of the global economy” and by J. Huber “Sovereign money. Beyond reserve banking”). *Problems of Economics*. No. 12, Pp. 131–141. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018a). On Two Types of Social Orders. Part 1. *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 7–25. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018b). On Two Types of Social Orders. Part 2–1. *Journal of Theoretical Economics*. No. 2. Pp. 28–46. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2018c). Money and Deliberation under Capitalism and Socialism. *Economic Theory: Triumph or crisis?* Zaostrovstev A.P. (ed.). Saint-Petersburg: Leontief Centre, Pp.149–169. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2019). On Two Types of Social Orders. Part 2–2. *Journal of Theoretical Economics*. No. 1. P. 7–23. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020). On the political testament of Stalin. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 11. No. 1. Pp. 6–35. (In Russ.).

For citation: Yefimov, V. (2020). Anti-Auzan: the Critique of a Social Philosophy. Part 1. *ECO*. No. 9. Pp. 62-89. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-62-89.